

Цзян Жао даже не задумывалась о том, к каким последствиям приведут её слова, сказанные Мужун Сюаню об Императорской благородной супруге Юй. В тот момент ею словно кто-то управлял — она просто взяла и сделала это, просто взяла и сказала.

Вернувшись в паланкин, она, не проехав и нескольких шагов, приказала Хань Юй привести Мужун Цзюэ. Внутри было просторно, и, поднявшись, Мужун Цзюэ сел напротив Цзян Жао. Он слегка опустил голову, словно бездушная марионетка.

О чем он думает?

Цзян Жао невольно задалась этим вопросом и вдруг заметила, что пальцы, спрятанные в рукавах, покрыты обморожениями — пугающие багрово-синие пятна.

У этого маленького злодея и впрямь было тяжелое детство!

Неизвестно почему, но Цзян Жао достала из-за пазухи флакон с мазью. Конечно, это было средство не от обморожения, но боль оно должно было унять — в любом случае, это лучше, чем ничего.

Она бросила флакон. Тот покатился по полу и остановился у самых ног Мужун Цзюэ.

Мужун Цзюэ посмотрел на лекарство, а подняв взгляд, поймал растерянный, мечущийся взор Цзян Жао. В его груди внезапно возникло странное, необъяснимое чувство. Оно отличалось от всего, что он испытывал раньше, и было пугающе притягательным. Он наслаждался этим тонким ощущением и, повинуясь какому-то порыву, протянул руку и подобрал флакон.

Атмосфера стала томной. Цзян Жао холодно бросила:

— Если заявишься на банкет в таком жалком виде, опозоришь меня перед всеми.

Сказав это, она лениво и с пренебрежением прикрыла глаза.

Мужун Цзюэ крепче сжал флакон, и та капля смутения, что промелькнула в его глазах, мгновенно испарилась, сменившись привычным равнодушием.

Весь путь они провели в молчании. Чтобы избежать неловкости, Цзян Жао притворилась, что погрузилась в дремоту. И тут в её голове раздался безжалостный голос Системы:

— Зафиксировано поведение, противоречащее характеру персонажа. Списано 20 баллов. Текущий баланс...

— Погоди, — Цзян Жао не выдержала и решила спорить до конца, — в чем именно мое поведение противоречило характеру? В оригинале наложница Цзин — злобная, тщеславная

женщина, для которой важнее всего репутация. Дать Мужун Цзюэ лекарство — это лишь способ сохранить лицо.

Система на мгновение зашумела, но, к удивлению Цзян Жао, аргумент был принят. Баллы не списали.

От этой маленькой победы уголки губ Цзян Жао невольно поползли вверх, и она совсем забыла о присутствии Мужун Цзюэ в паланкине. Она подумала, что Систему не так уж невозможно перехитрить. Хотя правила этой системы по «почернению» белого лунного света были невероятно бестолковыми, в них имелось немало дыр. Если быть внимательной и уметь спорить, то вполне можно избежать полного контроля.

Вскоре паланкин остановился у Дворца Скрытого Тепла.

Цзян Жао, опираясь на руку служанки, вошла внутрь, стараясь сохранять образ холодной и высокомерной наложницы Цзин. Она держалась отчужденно со всеми придворными дамами, которые пытались завязать светскую беседу.

Мужун Цзюэ, как её номинальный сын, сидел за одним столом с ней. Цзян Жао игнорировала косые взгляды, направленные на них, — её интересовали только яства на столе. Но банкет еще не начался, и как бы сильно ни текли слюнки, она не могла начать есть первой.

Хм, пирожные на таких банкетах совсем другие. Эти, в форме цветов сливы, выглядят просто изумительно.

Вскоре раздался голос:

— Его Величество прибыл!

Главный герой вечера наконец появился. Все увидели фигуру в золотом императорском халате, переступившую порог зала. Высокий, статный, с лицом, словно высеченным из камня, он шел, и казалось, что каждый его шаг сопровождается дуновением ветра.

Дамы в зале заволновались, разом поднялись и пропели:

— Приветствуем Ваше Величество!

Цзян Жао последовала общему примеру. Пользуясь редкой возможностью, она украдкой взглянула на него. К несчастью, её близорукость перенеслась и в это тело, поэтому рассмотреть детали было невозможно. Она лишь смутно различила гордый изгиб носа, тонкие губы и черты, которые отдаленно напоминали повзрослевшего Мужун Сюаня.

В этот момент в ушах раздался звон, и голос Системы произнес:

— Новое задание: соблазнить Мужун Лана, добиться его милости и принести беды государству. Принимаете?

Цзян Жао дернула уголком рта, едва сдерживаясь, чтобы не взорваться.

— Что это еще за фокусы? Я тут занимаюсь своим почернением, зачем мне соблазнять главного героя... его отца?

Система:

— Таков оригинальный сюжет. Хозяйка должна следовать ему, попутно становясь злодейкой.

Цзян Жао приложила руку ко лбу. Она помнила содержание книги: сюжет был примерно таким, как описывала Система. В мире снов Юлань наложница Цзин, воплощение белого лунного света, не гнушалась никакими методами, чтобы подняться на вершину, а став наложницей, уничтожала верных слуг — настоящая демоническая женщина. В то время как служанка Чу Мэн, воплощение дублера, оставалась стойкой и храброй, разделив с ним все тяготы несчастного детства.

Именно поэтому, проснувшись после сна, герой осознавал истину и бросался возвращать отвергнутую возлюбленную.

Цзян Жао смотрела на два варианта ответа и решительно нажала Отказ. Как и ожидалось, кнопка не сработала. Пришлось нажать Принять.

...Вынужденно принять.

Банкет начался, и Цзян Жао, не теряя времени, взялась за палочки. Стол ломился от деликатесов: ароматная хрустящая утка, острая и сочная крабовая начинка в апельсине. Забыв о борьбе за власть и заданиях, она полностью отдалась трапезе, не замечая взглядов, устремленных на неё.

Взгляд принца Мужун Сюаня, сидевшего рядом с Императорской благородной супругой Юй, неприязненные взгляды наложниц и взгляд Мужун Цзюэ, который смотрел на нее как на умалишенную...

Вскоре начались танцы и музыка.

Цзян Жао наелась до полусытости и только тогда заметила, что Мужун Цзюэ так и не притронулся к еде. Она была из тех людей, кто любит делиться вкусным, и, не заботясь о приличиях, прямо при всех положила ему в тарелку целую рыбу в уксусе по-сихуски.

— Ешь, а то я всё съем, — сказала она.

Мужун Цзюэ замер:

— ...?

Он взял палочки, попробовал кусочек — рыба оказалась отвратительной. Он нахмурился, подумав: эта женщина и правда не способна на доброту, выбрала самое невкусное, чтобы подсунуть мне.

В это время напротив поднялась роскошно одетая женщина с пипой в руках. Инструмент был украшен перламутром и драгоценными камнями, идеально сочетаясь с её вызывающим нарядом. Это была наложница Шу.

Система:

— Цель задания появилась.

Цзян Жао невольно подняла голову и увидела изящную фигуру наложницы Шу, идущую к центру зала. В глазах других наложниц читались гнев и жгучая зависть.

Но кто мог с ней сравниться в благосклонности императора? Она посмотрела на правителя на возвышении нежным, полным чувств взглядом и проговорила:

— В этот прекрасный вечер я хотела бы исполнить для Вашего Величества мелодию, чтобы пожелать вам здоровья и долголетия.

Мужун Лан расплылся в улыбке и, не сводя глаз с наложницы Шу, ответил:

— Разрешаю.

Все знали, что наложница Шу — мастерица игры на пипе, и это была одна из причин её успеха. Ходили слухи, что императора мучают тайные недуги и сильные головные боли, но звуки музыки в исполнении наложницы Шу странным образом облегчали его страдания. С тех пор по дворцу поползли сплетни, что наложница Шу — спустившаяся с небес фея, приносящая удачу. С тех пор император был верен только ей.

Вскоре наложница Шу села на круглый табурет, и её тонкие пальцы заскользили по струнам. В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуками пипы. Цзян Жао тоже невольно прислушалась.

Мелодия была загадочной, в её холодности чувствовалось нечто странное, а в сдержанности — едва уловимый азарт. Она совсем не походила на обычную музыку Срединных земель. Остальные слушали с недоумением, даже хмурились, выражая неприятие. Цзян Жао не была в восторге, но должна была признать, что музыка была необычной.

Она взглянула на Мужун Лана — тот слушал как замороженный, закрыв глаза и наслаждаясь

каждым звуком.

Цзян Жао: «...»

Ну, на вкус и цвет товарищей нет.

Когда мелодия стихла, первым раздался голос Мужун Лана, осыпавшего её похвалами:

— Хорошо! Мастерство Шу-эр становится все более совершенным. Позвать сюда, наградить!

Цзян Жао поначалу не придавала этому значения, продолжая уплетать еду, но когда увидела слугу, вносящего поднос с золотом, ей стало завидно. Еда в её миске мгновенно потеряла вкус.

Целый поднос золота!

Заметив, как Цзян Жао неотрывно смотрит на золото, Мужун Цзюэ помрачнел еще сильнее. Он бросил на нее взгляд, гадая, что у нее на уме.

Не только Цзян Жао, но и другие наложницы низкого ранга были охвачены завистью. Вскоре банкет превратился в их личную сцену: кто-то пел, кто-то танцевал, кто-то играл. Все они получали награды, и глаза Цзян Жао разбегались — она видела только золото, которое вносили в зал.

Она подумала: «Деньги — это...»

В её голове уже рисовались картины богатой жизни: каждый день на столе пять мясных блюд, четыре приема пищи в день, да еще и щедрые подарки для всех слуг дворца Юнпин.

Система снова подала голос:

— По сюжету наложница Цзин должна выступить сейчас и привлечь внимание Мужун Лана. Пожалуйста, дополните сцену.

Цзян Жао была готова провалиться сквозь землю. Она хотела золото, но совсем не хотела привлекать внимание этого старого императора!

Делать было нечего. Она встала и, опередив другую наложницу, выбежала вперед.

— Достаточно привлечь внимание, чтобы сюжет засчитался? — спросила она.

Система:

— Теоретически — да.

Цзян Жао закрыла глаза, вдохнула и произнесла:

— Ваше Величество, я, хоть и не обладаю особыми талантами, подготовила выступление, которое очень популярно в народе, и хочу преподнести его вам.

Мужун Лан, казалось, успел забыть, кто она такая. Он долго размышлял, прежде чем ответить:

— О? Ты наложница Цзин?

— Да, — ответила Цзян Жао.

Старый лис.

Словно что-то вспомнив, он косо взглянул на Мужун Цзюэ, сидевшего в углу, и его лицо помрачнело. Холодным тоном он спросил:

— И что же это за народное искусство?

— Разбивание камня на груди, — ответила Цзян Жао.

В тот же миг челюсть Мужун Лана отвисла, а реакция остальных была не лучше. Мужун Цзюэ вдруг почувствовал любопытство и с интересом начал разглядывать Цзян Жао — так смотрят на игрушку, которая внезапно привлекла внимание.

Мужун Лан, разумеется, дал разрешение. Большинство присутствующих злорадствовали: они были уверены, что Цзян Жао просто хвастается, чтобы привлечь императора.

В государстве Сичжоу одна наложница тоже предлагала подобный опасный номер, но правитель, поняв, что это лишь способ привлечь внимание, отказал ей, а потом и вовсе осыпал милостями, что многие наложницы начали копировать. Но правители бывают разными, и не все из них обладают состраданием.

Наложницы радовались: их император казался особенно безжалостным.

<http://bllate.org/book/22260/2329795>